

РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ ЛЮДОВИКА XVIII И ЕГО ОКРУЖЕНИЯ (1795-1799)

Д.Ю. Бовыкин

Проблемы религии и церкви в годы Французской революции конца XVIII в. не раз становились объектом специальных исследований отечественных и зарубежных ученых¹. Однако, по большей части, вышедшие статьи и монографии посвящены тому, что происходило в 1789-1799 гг. на территории Франции и в минимальной степени касаются круга проблем, характерных в эти годы для эмиграции. В то же время те исследователи, которые концентрировали свое внимание на борьбе роялистов с Революцией из-за рубежа, активно затрагивали религиозные вопросы лишь в рамках изучения идеологии контрреволюции², практически не касаясь политических проектов эмигрантов и, в частности, самого главного и влиятельного из них – Людовика XVIII, ставшего в 1795 г. королем Франции в изгнании.

В некоторой степени это можно объяснить тем, что многие историки оценивали планы Людовика XVIII, его брата графа д'Артуа и их окружения, исходя из расхожей фразы о том, что «Бурбоны ничего не забыли и

Дмитрий Юрьевич Бовыкин – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 04-01-00268.

¹ Из относительно недавних работ см., например: *Блуменау С.Ф.* Французская революция и гражданское устройство духовенства // Всеобщая история. Современные исследования. Вып. 11. Брянск, 2002; *Он же.* Церковные реформы начала революции и французское общество // Памяти профессора А.В. Адо. Современные исследования о французской революции конца XVIII века. М., 2003; *Christophe P.* 1789, les prêtres dans la Révolution. P., 1989; *Galtier J.* Protestants en Révolution. Genève, 1989; *Martin J.-Cl.* Religion et Révolution. P., 1999; *Sottocasa-Cabanel V.* Révolution, Contre-Révolution et mémoire collective en terre de frontière religieuse // La Contre-Révolution en Europe. Rennes, 2001; *Vovelle M.* 1793, La Révolution contre l'Église : De la raison à l'être suprême. Bruxelles, 2001.

² См., например: *Генифе П.* «Рассуждения о Франции» Ж. де Местра и Французская революция // ФЕ. 2003. М., 2003; *Дегтярева М.И.* Консервативная эволюция Жозефа де Местра // Там же; *Godechot J.* La contre-révolution. Doctrine et action. 1789-1804. P., 1984. Ch. VI. Les théocrates : Joseph de Maistre, Louis de Bonald.

ничему не научились». В рамках этой концепции, Людовика XVIII и в 1795 г. можно было априорно объявить «непримиримым приверженцем абсолютистского режима»³, а воззрения эмигрантов не стоило и анализировать, поскольку их стремление было и так «очевидно» – полное и безусловное восстановление Старого порядка. Никакие поправки на изменившиеся реалии не предполагались, поскольку «эмигранты нисколько не интересовались всеми перипетиями, конвульсиями и зигзагами грандиозной трагедии, развертывающейся на покинутой ими родине»⁴.

Подобная историографическая ситуация не может не вызывать удивления, особенно если учесть, что в предреволюционные годы и в начале Революции граф Прованский (носивший тогда титул Месье) отнюдь не проявлял себя «непримиримым приверженцем» чего бы то ни было. Хотя историки нередко описывают его воззрения, как «в основе своей консервативные»⁵, он никогда не производил впечатления упертого фанатика. Позиции, которые занимал Месье, скорее можно охарактеризовать, как умеренные – по крайней мере, он не раз проявлял себя, как человек, способный к компромиссу⁶.

Вместе с тем, хотя он и не был замечен в небрежении религиозными обрядами, *de facto* Людовик XVIII впоследствии оказался первым нарушителем старинной религиозной традиции: он так никогда и не стал помазанником божьим, поскольку не прошел обряда коронации, и, в отличие от Карла X ни разу не попытался возродить древний обряд исцеления от золотухи⁷.

С другой стороны, даже если бы Людовик XVIII действительно хотел восстановить в полном объеме Старый порядок⁸, ему все равно пришлось бы определиться по широкому кругу новых аспектов: Революция изменила и отменила слишком многое, чтобы возвращение к прошлому могло пройти безболезненно. Иными словами, проблема взаимоотношений государства и религии в политических планах Людовика XVIII и его окружения видится мне заслуживающей специального изучения.

---

³ Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 203.

⁴ Тарле Е.В. Жерминаль и прериаль. М., 1957. С. 67.

⁵ См., например: Lever E. Louis XVIII. P., 1988. P. 103.

⁶ По крайней мере, на эту мысль явно наводят новейшие исследования, посвященные Людовику XVIII. См., например: Lever E. Op.cit.; Mansel Ph. Louis XVIII. L., 1999.

⁷ Блок М. Короли-чудотворцы. М., 1998. С. 544 и след.

⁸ Godechot J. Op. cit. P. 181. Хотелось бы попутно заметить, что, судя по всему, историография унаследовала подобный взгляд на планы короля от республиканской пропаганды периода Революции. По крайней мере, сам Людовик XVIII неоднократно заявлял, что считает возвращение к Старому порядку абсолютно для себя неприемлемым. См., например: Premières instructions générales à M. le Comte de Moutiers. Vérone, le 20 mars 1796. - Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Mémoires et documents. France (далее. – МАЕ). 525. 1796. F. 108v.

Одним из первых документов, вышедших из-под пера нового короля, была печально знаменитая Веронская декларация, с которой Людовик XVIII обратился к своим подданным в конце июля 1795 г. Общая ее оценка историками хорошо известна – «она лишала всякой надежды на реставрацию мирным путем»⁹, предусматривала восстановление «сословий, парламентов и господствующего положения церкви»¹⁰, была проникнута духом «непреклонной защиты реакции»¹¹.

В реальности же тон этого документа далеко не столь однозначен. В противовес прокламациям забывших Бога республиканцев, он пестрит ссылками на волю «Неба» и «Провидения», однако речь в нем, прежде всего, идет о восстановлении «порядка и законов», а апелляция к авторитету Всевышнего используется, чтобы заставить подданных лишней раз задуматься о содеянном: «Вы были неверны Богу ваших отцов, и Бог, справедливо разгневавшись, заставил вас почувствовать всю тяжесть своего гнева; вы восстали против власти, которую он установил, чтобы вами управлять... Задумайтесь же на мгновение о происхождении и развитии постигших вас несчастий»¹². Завершая вводную часть Декларации, король отмечает: «Одним словом, вы поколебали и свергли алтари вашего Бога, трон ваших Королей – и вы стали несчастными».

Отсюда следует вывод, что, ради обретения счастья, «необходимо вернуться к той священной религии, которая снискала Франции благословение небес; [...] восстановить ее алтари: предписывая Государям Справедливость, а Подданным – Верность, она сохраняет порядок, она обеспечивает триумф законов, она дарует высшее счастье империям». Таким образом, максимум, о чем здесь идет речь, – это о восстановлении католицизма в качестве государственной религии¹³. Духовенство упоминается в Декларации ближе к концу, наряду с принцами, дворянами и магистратами: король старается показать, что французам не следует бояться людей, на чьи плечи ляжет реставрация монархии: «Те служители Бога мира, которые не скрылись от неистовых гонений»¹⁴, чтобы сохранить вашу

⁹ Furet F., Richet D. *La Révolution française*. P., 1973. P. 308.

¹⁰ Soboul A. *La Révolution française*. P., 1983. P. 426. Фраза Собуля дословно приводится в кн.: Ревуненков В.Г. *Очерки по истории Великой французской революции 1789-1814 гг.* СПб, 1996. С. 426.

¹¹ Sutherland D.M.G. *France 1789-1815. Revolution and Counterrevolution*. L., 1988. P. 270.

¹² Здесь и далее Веронская декларация цитируется по изданию: *Louis XVIII. Déclaration de Louis XVIII, Roi de France et de Navarre à ses sujets*. S. l., s. d.

¹³ Furet F., Richet D. *Op. cit.* P. 308.

¹⁴ Небезынтересно, что в одном из первых набросков Декларации эти слова выглядели по-другому: «Те служители Бога мира, которые не избежали неистовства гонителей и топоров палачей [зачеркнуто «кинжалов убийц» – Д.Б.] ...» – МАЕ. 588. 1790-1795. F. 258v. На мой взгляд, в окончательном тексте Людовик в принципе стремился не сгущать краски более необходимого.

веру; полные рвения, которое просвещает, милосердия, которое прощает, станут проповедовать как своим личным примером, так и своими речами забвение обид и любовь к врагам. Стоит ли вам бояться, что они запятнают вечное сияние, которое их благородное поведение и кровь стольких жертв снискали галликанской Церкви».

Помимо естественного для «христианнейшего короля» желания поставить религию себе на службу, мне видится здесь еще и намерение использовать характерное для многих французов стремление к возврату безопасного и публичного исповедования католичества, сопряженное с желанием вверить заботы о своей душе тем клирикам, которые в годы Революции вели себя бескомпромиссно. «Галликанская церковь, – подчеркивает А. Олар, – была окружена духовенством, оставшимся верным папе и пользовавшимся большей симпатией народа, особенно в деревнях»¹⁵.

«Религиозные чувства, столь ярко проявляющие себя во всех провинциях Королевства, уже напоминают взорам посвященных прекрасные века Церкви», – отмечается в Декларации. И хотя король здесь несколько преувеличивает, ему наверняка было известно, что народ встретил с энтузиазмом декрет Конвента от 3 вантоза III года (21 февраля 1795 г.), даровавший свободу культов. Как отмечает А. Олар, «католицизм снова появился повсюду. На другой же день в Париже были отслужены в часовнях мессы, а в день Пасхи 1795 г. почти все лавки были заперты в том самом городе, который аплодировал культу Разума»¹⁶. Аналогичные процессы происходили по всей стране¹⁷.

Надо сказать, что, в отличие от многих других положений Веронской декларации, критиковавшихся как рядом эмигрантов, так и многими европейскими дворами, та ее часть, которая касалась восстановления в полном объеме прав католического культа, сомнений не вызывала. В качестве примера можно привести пространную записку английского государственного секретаря по иностранным делам лорда Гренвиля, адресованную послу Людовика XVIII герцогу д'Аркуру в явной надежде, что король использует ее при составлении своего манифеста. Гренвиль писал: «Если Монархия во Франции будет восстановлена, то нет никаких сомнений в необходимости возвращения с ней и религии, публичного культа»¹⁸.

---

¹⁵ Олар А. Политическая история Французской революции. Пг., 1918. С. 368.

¹⁶ Там же. С. 365-366.

¹⁷ Эта тенденция была доминирующей, однако часть людей, особенно бывшие активисты народных обществ и государственные функционеры, не могла перестроиться в один момент и реагировала на смену правительственного курса с запозданием. Так, например, комиссар Директории в одном из кантонов Финистера заявлял: «Расписаться в ненависти к королевской власти означает расписаться в ненависти к королю, старшему сыну церкви, и священникам; это означает подписать отказ от бога и его церкви». *Crétineau-Joly J. Histoire de la Vendée militaire. Cholet, 1994. Vol. 3. P. 569-570.*

¹⁸ Note de Grenville à Harcourt sur la reconnaissance de Louis XVIII, 22 juin. – MAE. 624. 1795. F. 87.

Сразу же после принятия Веронской декларации, адресованной всем подданным, Людовик XVIII разослал множество личных посланий с объяснением своей позиции. В числе его адресатов были и принцы крови, и наиболее влиятельные деятели контрреволюционного лагеря, и, разумеется, высшее духовенство. Получить представление о распоряжениях, отданных королем верхушке галликанской церкви, позволяет письмо, отправленное им 31 июля 1795 г. епископу Нанси герцогу де ля Фару¹⁹. В нем король сообщает:

«Будучи призван на трон христианнейших королей, я знаю, что никогда не забуду те обязательства, которые налагает на меня этот титул по отношению к Богу, именем которого я правлю; по отношению к Церкви, старшим сыном которой я являюсь; по отношению к Религии, которая должна быть моим вдохновителем и светочем. И когда я узнал, что божественное Провидение призвало короля Людовика XVII, моего государя и племянника, моей первой мыслью, моим первым побуждением было прибегнуть к молитвам Церкви и обратиться за ними к архиепископам и епископам моего Королевства.

Однако в то же время я рассудил, что будет мудрым явить всем моим подданным те чувства милосердия и справедливости, которыми полно мое сердце; и, будучи убежденным, что мои речи будут тщетны, если Господь не осенит их и меня своей всемогущей благодатью, я решил подождать с тем, чтобы вымолить ее посредством священнослужителей, покуда мой манифест не будет оглашен.

Этот момент настал, и ныне – более чем когда либо – духовенство и верующие моего Королевства должны сплотиться вокруг меня и непрерывно обращаться к Богу мольбы о пощаде, самые ревностные молитвы, самые искренние слезы.

Соответственно, я пишу это письмо, чтобы повелеть вам, а также приказать духовенству и верующим вашего диоцеза возносить публичные и частные молитвы, как только это позволят обстоятельства:

1°. За упокой души Людовика XVI и Людовика XVII, Королей Франции и Наварры, моего брата и племянника, моих государей и владык; Марии-Антуанетты Австрийской, Королевы Франции и Наварры, моей почтенной Госпожи и невестки; Елизаветы-Филиппы-Марии-Элен Французской, моей дорогой и возлюбленной сестры, а также за всех французов, которые пали жертвой нынешнего мятежа.

2°. Дабы Господь соблаговолил, чтобы души и сердца моих подданных услышали меня, чтобы он придал моим словам силу, ясность и действенность, которые они могут получить лишь его благоволением.

¹⁹ Анн-Луи-Анри, герцог де ля Фар (1752–1829) – епископ Нанси (1787), член ассамблеи нотаблей (1787), депутат Генеральных штатов от духовенства. Эмигрант, одно из доверенных лиц Людовика XVIII.

3°. Дабы он соизволил просветить меня своими познаниями, дабы проникла в меня его мудрость, и дабы благословил он те усилия, которые мне предстоит предпринять, чтобы восстановить его религию в моих государствах и чтобы меж моих подданных воцарились мир и счастье.

Сам же я молю Господа о том, чтобы он простер над вами, господин Епископ Нанси, свое святое покровительство.

Писано 31 июля тысяча семьсот девяносто пятого года, первого года нашего царствования.

Подписано: Людовик»²⁰.

Небезынтересно также отметить, что хотя впоследствии Людовик XVIII так и не был коронован, в 1795 г. он явно задумывался о прохождении этого обряда. По крайней мере, в письме, отправленном 5 августа одному из парижских агентов, Лемэтру²¹, того просят любой ценой раздобыть работы о коронациях Людовика XIV, Людовика XV и Людовика XVI, а также двухтомник «Французский церемониал»²², рукописи Сенкто²³ и ряд книг того же Сенкто²⁴, Дегранжа²⁵ и Годфруа²⁶. Видимо, это оказалось не так просто, поскольку в более позднем письме Лемэтру напоминают о все еще не выполненном поручении²⁷.

Получив весьма неоднозначные отклики на Веронскую декларацию, с удивлением обнаружив, что ее тон и отдельные формулировки не поддержала даже часть верных трону дворян и что ее весьма прохладно (если не сказать сильнее) приняли во Франции, Людовик XVIII в скором времени решил развить и уточнить ее отдельные положения. Полагая невозможным без всякого на то явного повода выпустить новый манифест, он сделал это в так называемых «инструкциях» своим представителям. Помимо собственно инструкций, эти документы представляли собой своеобразные

---

²⁰ A.N. 198 AP 8. Papiers de duc de La Fare.

²¹ Recueil de la correspondance saisie chez Lemaître, et dont la Convention a ordonné l'impression. P., an IV. P. 8-9.

²² Скорее всего, имеется в виду двухтомник: *Godefroy Th. et D. Cérémonial françois*. P., 1649, который иногда называют «библией французского церемониала».

²³ В настоящее время они рассеяны в Архиве МИД Франции, Национальной библиотеке Франции, библиотеке Мазарини и библиотеке Института Франции.

²⁴ Имеются в виду книги: *Sainctot N. Le Cérémonial de France à la Cour de Louis XIV*. Reéd. P., 1936, *Idem. Ordre et règlement de ce qui doit être tenu et observé en la Maison du Roi tant pour le fait et dépense d'icelle que du devoir que les officiers ont à rendre en l'exercice de leurs charges*. P., 1651 и *Sainctot N. Le Sacre de Louis XIV à Reims, le 7 juin 1654*. Reéd. 1935.

²⁵ И Сенкто, и оба Дегранжа в свое время имели должность придворных церемониймейстеров (*maître des cérémonies de France*): Николя II Сенкто, считавшийся одним из главных авторитетов по церемониалу, - в 1655-1691 гг., Дегранжи (Мишель I и Мишель II) - с 1691 по 1746 гг.

²⁶ Имеется в виду работа: *Godefroy Th. Le Cérémonial de France*. P., 1619.

²⁷ Recueil de la correspondance saisie chez Lemaître. P. 17.

professions de foi монарха, желавшего, чтобы с ними были ознакомлены и заблудшие подданные.

Один из ранних документов этого ряда – «Первые общие инструкции г-ну Графу де Мутье²⁸» от 20 марта 1796 г. Подробно, на нескольких страницах рассказывая в них о своем понимании основных законов королевства, король, в частности, пишет: «Эти фундаментальные законы, которые суверен обязан соблюдать, отправляя свою власть, и нарушение которых делает недействительными противоречащие им акты, провозглашают католическую апостольскую римскую религию государственной, однако ее власть не распространяется на те мнения, которые не проявляют себя в угрожающей общественному спокойствию форме»²⁹.

Фраза видится мне весьма показательной: Людовик XVIII словно извиняется за то, что не может поступить иначе, поскольку нарушение фундаментальных законов королевства автоматически означает утрату монархом легитимности его власти. В то же время, он стремится заверить, что возвращение идеологического контроля церкви над обществом в его планы не входит. Кроме того, он обещает, что имеющиеся проекты восстановления королевской власти однозначно исходят из отказа духовенства и дворянства от всех налоговых привилегий³⁰. Единственная ложка дегтя в этой бочке меда: хотя инструкции и подписаны монархом, это не публичный документ, не дарованные государем обещания и гарантии, а всего лишь разъяснения о том, как граф де Мутье должен толковать французам королевские планы и намерения.

Позиция Людовика XVIII уже в 1796-1797 гг. кажется мне весьма умеренной. Это особенно хорошо видно при сравнении подписанных им документов с теми проектами, которые поступали в его канцелярию. Один из них особенно интересен тем, что принадлежит перу человека, который, казалось бы, по долгу службы должен быть лучше своего государя осведомлен о ситуации во Франции – роялиста Мезьера (*Mézières*), выступающего от имени Парижского агентства, центра, поставлявшего королю информацию из покинутой им страны. Статья четвертая составленного Мезьером мемуара была целиком посвящена религиозным сюжетам:

«Король будет объявлен защитником и опорой католической, ап[остольской] и римской религии. Духовенство будет восстановлено вместе с десятиной; в виду того, что происходящее сейчас во Франции показало, что если, к стыду католиков, оно [духовенство] не имеет собственности, недвижимости или, по крайней мере, не имеет права исполь-

²⁸ Элеонор-Франсуа, граф де Мутье – французский дипломат, эмигрант, представитель Людовика XVIII в Берлине. В декабре 1795 г. назначен гражданским комиссаром короля в Бретани и прилегающих к ней провинциях.

²⁹ *Premières instructions générales à M. le Comte de Moutiers. Vérone, le 20 mars 1796.* - МАЕ. 525. 1796. F. 109.

³⁰ *Ibid.* F. 111.

звать десятину, оно вынуждено просить милостыню и, вследствие этого, подвергается презрению. Даже если народ и вернется к религиозным принципам, он отнюдь не поспешит в объятия священников; он будет ходить на мессы, но не станет платить.

Желательно восстановить все религиозные ордена – как ради славы религии, так и для чести Франции, как по политическим соображениям, так и ради нужд общества; тем не менее, количество мужских и женских монастырей придется ограничить: оно уже и без того значительно уменьшилось из-за разрушения культовых сооружений.

Есть надежда, что великодушие позволит Его Святейшеству проявить милосердие, одним словом, что будут прощены ошибки и образ действий тех конституционных священников, которые не кормились от религиозной распущенности; необходимо их реабилитировать, чтобы они могли вновь выполнять те обязанности, которые выполняли в 1789 г. Поэтому как иначе что остается делать?

Необходимо и настоятельно требуется, чтобы духовенство не было более политической корпорацией. [...] Высказываются пожелания, чтобы Е.В. и его наследники не возводили в сан прелатов, пока тем не исполнится от 40 до 49 лет, дабы они имели воистину духовный образ мыслей. [...] Желательно, чтобы Е.В. создал высший церковный суд, который, не становясь инквизицией, выполнял бы ее функции, надзирал бы над прелатами и священниками – как в плане единства религиозной догматики, так и в плане их публичного поведения³¹. Если гг. литераторам и философам взбредет в голову и далее разлагать общественную мораль, искажая мешающую им религию или же насмехаясь над ней, ими также будет заниматься это учреждение. [...]

Коллежи, университеты и семинарии будут воссозданы в том виде, в котором они существовали, с теми изменениями, которые желательно произвести. Народное образование сегодня абсолютно заброшено. Что это будет за молодежь, Сир, если В.В. не возьмется ее наставлять!!!!

Желательно, хотя подходящий момент для этого еще не наступил, чтобы все не католики были высланы. Ведь люди осознают, что на протяжении двух с половиной веков они в открытую плели заговоры против всех властей и, в особенности, против католиков; ведь люди уверены, что протестантские правительства участвуют в едином заговоре и уже издавна пытаются побороть могущество католических держав. Ведь видно, что не католики, едва вернувшись во Францию, сразу же объединяются с философами, янсенистами, атеистами [...]. Невозможно принять решение о сохранении в государстве секты, для которой мораль и догма –

---

³¹ Примечание автора мемуара: «В этом надзоре сложно переусердствовать, поскольку именно священники нанесли религии наибольший вред: Янсений, Молина, Лютер, Кальвин, Талейран [...]».

преступление, неподчинение и постоянные мятежи – догма, царубийство – добродетель [...]»³².

Текст весьма ясный и характерный, и все же Людовик XVIII предпочел не прислушиваться к голосам сторонников крайних мер и апологетов католической реакции. Тон обнародованной им 10 марта 1797 г. декларации по-прежнему весьма спокоен: «Мы говорили это нашим агентам и вновь непрестанно повторяем: “Приведите наш народ обратно к святой религии отцов и к отеческому правлению, которое столь долгие годы составляло счастье и славу Франции; разъясните ему конституцию страны³³, на которую клеветают лишь потому, что она недооценена”»³⁴.

Эти слова наводят и на другую мысль. По сравнению с 1793-1795 гг., когда ставка во многом делалась на военную силу³⁵, Людовик XVIII, чем дальше, тем больше осознавал значение пропаганды и уделял ей немалое внимание. В 1797 г. в окружении короля рождается идея активно подключить к пропаганде и церковь³⁶. С одной стороны, предлагалось разделить королевство на пять округов (ressorts), поставить во главе каждого из них архиепископа, поручив ему через своих священников склонять народ к возвращению законного государя. С другой, предполагалось отправить всем епископам просьбу найти просвещенных и смелых клириков, чтобы те оказывали своим диоцезам посильную помощь³⁷. Помимо этого, в полном соответствии с популярными в годы Революции идеями, разрабатывался проект организации специального религиозного общества для воспитания подрастающего поколения: клирики исходили из того, что «христианское воспитание молодежи – это способ избавиться от несчастий, которых на наших глазах становится все больше и больше»³⁸.

По письмам, хранящимся в фонде уже упоминавшегося ранее герцога де ля Фара, епископа Нанси, видно и то, какие проблемы волновали оставшееся внутри страны, но верное короне духовенство. Следует отметить, что порой по обширной переписке герцога трудно предположить, что это

³² De la Charte Constitutionnelle. Mars 1797. – МАЕ. 617. 1797-1805. F. 28v.-29v.

³³ Разумеется, речь шла не о Конституции III года Республики, а об фундаментальных законах французской монархии.

³⁴ Louis XVIII aux François. S.l., s.d. P. 2-3. – МАЕ. 626.

³⁵ Подробнее см.: Бовыкин Д.Ю. Год 1795: несостоявшаяся реставрация // ФЕ. 2003. М., 2003. С. 34-74.

³⁶ Судя по всему, эти идеи витали в воздухе: один из влиятельных деятелей эмиграции, бывший депутат Генеральных штатов от третьего сословия П.В. Малуэ предлагал, например, хотя и несколько позже, активно использовать в армии священников, «способных соединять религиозные взгляды с политическими». – См.: Сергиенко В.Ю. Конституционные монархисты – эмигранты времен Французской революции конца XVIII века // НиНИ. 2003. № 5. С. 70.

³⁷ Réflexions sur le plan proposé. [Mission des évêques] – МАЕ. 593. Nov.-déc. 1797. F. 78.

³⁸ Plan d'une société religieuse. Pour l'éducation de la jeunesse et les Missions. [Июнь 1797]. – А.Н. 198 AP 8. Papiers de duc de La Fare.

епископ в изгнании: он активно наставляет паству и викариев, дает советы и инструкции, отчитывает нерадивых, делится своими взглядами, то и дело отправляет пастырские послания духовенству. Получает он и подробнейшие отчеты о том, что творится во вверенной ему епархии.

Один из таких отчетов, датированный июнем 1797 г.³⁹, видится мне в достаточной степени показательным, чтобы остановиться на нем подробнее. И, прежде всего, потому, что в нем поднимается проблема взаимоотношений присягнувших и неприсягнувших священников, особенно остро вставшая в начале Директории. Можно сказать, отмечает А. Олар, что «тогда существовали две параллельных организации: организация духовенства, отказавшегося от присяги, и организация духовенства, подчинившегося конституции. Не подчинившиеся и эмигрировавшие священники украдкой возвращались теперь один по одному во Францию. Они были богаче и преданнее церкви, чем члены конституционного духовенства. Они подчинялись приказаниям Папы, и многие из них приезжали прямо из Рима. Присягнувшее духовенство утратило [...] свое юридическое существование. Тем не менее, оно все еще пользовалось благосклонностью власти, тем более что над многими из неприсягнувших священников еще тяготели репрессивные законы»⁴⁰.

Однако действительность порой была гораздо сложнее: об этом красноречиво повествуют клирики вверенного епископу диоцеза. Упомянув, что неприсягнувших священников осталось весьма мало, они посвящают целый раздел своего послания «присягавшим свободе и равенству и подрядившимся в сентябре 1795 г.». «Они делятся на три класса, – сообщают клирики герцогу де ля Фару. – Те, кто присягал в 1792 г.⁴¹ Те, кто присягнул от Конституции 1793 г. до Конституции 1795 г.⁴² Те, кто присягнул со времени этой, последней Конституции»⁴³.

«Присягнувшие из двух первых классов утверждают, что принесли не больше зла, чем те, кто из третьего. Из второго – что принесли меньше зла по сравнению с теми, кто из первого; а в качестве доказательства говорят, что, принеся присягу после уничтожения Религии, они в этом

---

³⁹ Prêtres du Diocèse de Nanci. Nanci. Juin 1797. – A.N. 198 AP 8. Papiers de duc de La Fare.

⁴⁰ Олар А. Цит. соч. С. 366.

⁴¹ Скорее всего, имеются в виду и те, кто приносил присягу несколько раньше – с декабря 1790 г. А 1792 г. выбран в качестве рубежного, потому что 26 августа 1792 г. был принят декрет, объявлявший неприсягнувших священников врагами государства и приговаривавший их к депортации, а в случае уклонения – к тюремному заключению.

⁴² То есть, в период наиболее суровых гонений против церкви, включая политику дехристианизации. Хотя и присяга в те годы нередко оказывалась слабой защитой от репрессий.

⁴³ Закон о новой присяге был принят в конце сентября 1795 г. Впоследствии, к этим трем группам добавились еще и те священники, которые, в соответствии с законом от 19 фрюктидора V года (5 сентября 1797 г.) принесли присягу «в ненависти к королевской власти и анархии, и в преданности республике и Конституции III года».

уничтожении не участвовали. Те же, кто принадлежит к третьему классу, осуждают два других и не желают, чтобы их смешивали ни с первыми, ни со вторыми. Чтобы оправдать свои клятвы, они подчеркивают, что поскольку одни считают культ восстановленным де факто, а другие, – по закону, по Конституции, то и клятвы касаются только светских дел».

Любопытно, что менее опасными клирики считают вторых и третьих, поскольку те менее многочисленны; видимо, основной водораздел все же прошел в первые годы, последовавшие за принятием гражданского устройства духовенства⁴⁴.

Король и его двор, несомненно, знали о поднятой в послании проблеме. В том же 1797 г. Людовик XVIII поручил графу де Ля Шапелью⁴⁵ опросить ряд влиятельных прелатов и выяснить их отношение к наиболее важным вопросам, связанным с состоянием галликанской церкви. В своем доднесении⁴⁶ Ля Шапель сообщил, что получил для монарха совет прежде всего заручиться через своих людей в Риме поддержкой Папы. Среди проблем, обсуждавшихся с епископами, он называл выработку принципов назначения клириков на вакантные места, а также обеспокоенность епископата тем, что многие священники принесли клятву в ненависти к королевской власти. В общем и целом, прелаты приходили к тому, что сложностей накопилось достаточно, чтобы их обсудить после реставрации монархии на специальном собрании представителей духовенства.

В том же 1797 г., на волне переговоров с Пишегрю⁴⁷ и победы роялистов на выборах, в окружении Людовика XVIII разрабатывается проект фундаментальных законов королевства, которые планировалось утвердить после возвращения монарха во Францию. Таким образом, из неписанной конституции страны они превратились бы в юридически закрепленный документ⁴⁸. Первый из этих фундаментальных законов предусматривал восстановление католицизма в качестве государственной религии, которую

⁴⁴ Малуэ употребляет даже словосочетание «старое и новое духовенство». – *Mercure britannique*. 1799. Vol. 3. № XXIII. 25 juillet 1799. P. 426.

⁴⁵ Александр-Франсуа-Мари Ле Фийёиль, граф де Ля Шапель – бригадный генерал, начальник генерального штаба армии принцев, выполнял многочисленные дипломатические поручения Людовика XVIII.

⁴⁶ Note de La Chapelle au Roi, 29 janvier. – MAE. 594. 1798. F. 42-49v.

⁴⁷ Жан Шарль Пишегрю (1761-1804) – французский военачальник. Начав службу простым солдатом, дослужился до генерала, в годы Революции командовал рядом армий. После 1795 г. вступил в переговоры с роялистами, за помощь в реставрации монархии Людовик XVIII обещал ему маршальский жезл. После выборов 1797 г. стал депутатом Совета пятисот и был избран его председателем. После переворота 18 фрюктидора депортирован. Подробнее см.: *Daudet E. La conjuration de Pichegru*. P., 1901.

⁴⁸ Следует отметить, что идея принять вместо неписанных фундаментальных законов королевства писанную конституцию вовсе не казалась Людовику XVIII крамольной задолго до Хартии 1814 года.

обязаны ее исповедовать король, все гражданские и военные чиновники, а также депутаты Генеральных штатов. Исключение делалось лишь для нескольких воинских подразделений⁴⁹ (очевидно, наемников).

Одновременно фундаментальный закон номер девять должен был провозгласить духовенство первым сословием, определить его состав и предписать, что в Генеральные штаты могут быть избраны только архиепископы, епископы, аббаты, каноники и архипресвитеры (*archiprêtres*), а шесть бывших пэров-священнослужителей становятся депутатами Генеральных штатов пожизненно, возглавляют церковь и Король просит для них у папы звание кардиналов. Духовенству предлагалось избирать в Генеральные штаты по три депутата от провинции, и одним из трех в обязательном порядке должен был быть епископ⁵⁰. Одиннадцатый закон, посвященный непосредственно формированию Генеральных штатов, особо оговаривал, что все депутаты обязаны быть католиками⁵¹.

Иными словами, помимо формального возвращения католицизму прежнего влияния, планировалось предпринять и ряд практических мер, должных вернуть духовенству и иерархам церкви былой авторитет (как на общегосударственном, так и на местном уровне): пятнадцатый закон устанавливал, что провинциальная администрация состоит из 24 человек, 6 из которых служители церкви – епископы⁵².

Однако и этим планам не суждено было сбыться. Вместо того чтобы триумфально вернуться в свое королевство, Людовику XVIII пришлось бежать еще дальше от его границ. В 1798 г., добившись покровительства Павла I, он переезжает в Митаву, где составляет весьма любопытный мемуар⁵³, озаглавленный «Обязанности короля»⁵⁴ и адресованный сыну графа д'Артуа герцогу Ангулемскому, которого король рассматривал, как одного из весьма вероятных наследников престола. В отличие от политических проектов и деклараций, этот документ носит куда более личный характер – и по стилю, и по той усталости и грусти, которыми он пронизан. «Я чувствую, – пишет король в самом начале мемуара, – что горести незаметно подточили меня, я родился всего сорок два года назад, а я ошущаю себя на шестьдесят».

---

⁴⁹ МАЕ. 617. 1797-1805. F. 74-74v.

⁵⁰ Ibid. F. 77v.-78.

⁵¹ Ibid. F. 79v.

⁵² Ibid. F. 80v.

⁵³ Если Э. Доде, опубликовавший этот источник, не ошибся, и текст действительно написан в Митаве, Людовик XVIII должен был сделать это в первые месяцы пребывания там, поскольку, с одной стороны, его прибытие в Курляндию датируется мартом 1798 г., а с другой, в самом начале мемуара он пишет, что отцу герцога Ангулемского, графу д'Артуа, 40 лет, тогда как 9 октября ему должно было исполниться 41.

⁵⁴ *Louis XVIII. Les devoirs d'un roi // Feuilles d'histoire du XVIIe au XXe siècle. 1909. Т. 2. Juillet-Décembre. P. 221-234.*

«Две вещи необходимы человеку, – продолжает он, – счастье в этой жизни и вечное спасение в иной; по правде говоря, обе эти вещи сливаются воедино, поскольку невозможно быть счастливым в настоящем, если нет чувства, что работаешь на будущее бытие». Впрочем, Людовик полагает, что у него нет оснований докучать герцогу Ангулемскому своими советами на эту тему: «Вы воспитаны на религиозных принципах и, следовательно, знаете, что все необходимо соотносить с Господом, как с тем итогом, который ждет каждого из нас. [...] Вы принесете немало зла не только если вы не будете уважать религию, но и если вы не заставите ее уважать».

В этом плане очень важно, отмечает король, не только самому быть образцом для своих подданных, но и вдумчиво относиться к тем людям, которые получают власть из рук монарха: «Если Король, чьи нравы чисты и который подает хороший пример, не уважает тех, кто следует за ним, если он не показывает, насколько поведение других ему не нравится, он никого не привлечет, и тогда забвение религии и аморальность будут иметь столь же губительные последствия, как если бы он сам был безбожником и распутником».

Однако если монарх – добрый католик, это не означает, что и окружение он должен подбирать исключительно по этому принципу: «Я не хочу этим сказать, что следует, например, доверить командование вашими армиями Вильруа⁵⁵, поскольку он человек религиозный и нравственный, и оставить в забвении Катина⁵⁶, обвиненного в атеизме; но, предоставив должность Катина, необходимо дать ему понять, что вы делаете различие между его талантами и принципами».

Как и у его предшественников, у Людовика XVIII в полной мере сохранялось представление о том, что королевская власть исходит от Бога, и, соответственно, король отличается от всех остальных людей, вне зависимости от того, насколько они мудры. Даже если весь Совет придерживается одного мнения, а государь другого, монарх должен поступать так, как кажется правильным именно ему: «Это ему, а не другим господь доверил заботу о народе, именно с него Бог будет спрашивать». Если уж подчиняться чужому мнению, то голосу разума, а не мнению большинства, но, в любом случае, не следует забывать, что короля просвещает сам Бог.

С другой стороны, король, отвечающий за свои поступки перед Богом, – это ни в коей мере не абсолютный монарх. «Король Франции, несомненно, обладает большей властью, чем король Англии, но и его власть имеет пределы, нация обладает своими правами, и если уклоняющийся от повиновения подданный – мятежник, то суверен, посягающий на права нации, – тиран и даже мятежник перед лицом Господа». Конституция страны – для Людовика XVIII речь здесь идет о фундаментальных законах королевства

⁵⁵ Франсуа, герцог де Вильруа, маршал Франции (1644-1730), сын воспитателя Людовика XIV.

⁵⁶ Никола Катина, маршал Франции (1637-1712).

– вот что «связывает подданных с сувереном и суверена с подданными, благословенная цепь, первое звено которой находится в руках у самого Всемогущего». И после Священного писания направлять государя должны именно фундаментальные законы королевства.

Король не только черпает свою власть от Бога, не только подотчетен Богу, как ему подотчетны подданные, порой он даже уподобляется Господу – по крайней мере, когда речь идет о милосердии. «Есть ли что-либо более сладостное, чем прощение? – восклицает Людовик XVIII. – Есть ли привилегия прекраснее, чем привилегия даровать, если так можно выразиться, второе рождение себе подобному? Эта привилегия сближает Королей с самим Господом; более того, он им дарует частицу своей власти над душами, поскольку правильным образом примененное помилование может привести на путь добродетели того, кто стал предаваться пороку».

Свой рассказ племяннику о фундаментальных законах королевства Людовик XVIII завершает характерным пассажем: «Я хочу закончить самой важной статьей: Конституция провозглашает католическую, апостольскую и римскую веру государственной религией. Ни один другой культ нельзя исповедовать публично, однако закон судит лишь действия, не простирая свое владычество над совестью. Каждый вправе внутри себя верить во что угодно, если проявления этой веры не угрожают общественному порядку».

Этот мемуар видится мне тем более интересным, что в нем весьма показательным образом сочетаются традиции французской монархии и влияние века Просвещения. «Права нации» – это, несомненно, оборот, укоренившийся уже в XVIII в., однако Людовику он представляется столь же неоспоримым, сколь и божественное происхождение королевской власти. В написанных им строках нет фанатизма – лишь стойкая уверенность в том, что ответственность короля (в том числе и ответственность за нововведения) выше, чем у любого из его подданных. «Одна из самых больших опасностей для добродетельного Короля – это стремление вводить новшества из желания принести благо».

Следующий, 1799 год оказывается вновь отмечен активностью как самого монарха, так и многочисленных авторов проектов, направленных на реставрацию королевской власти: кризис Директории осознавался и в среде эмигрантов; они, как и многие, ожидали перемен – разумеется, в свою пользу.

Один из самых подробных документов этого ряда, «Краткое изложение наиболее правильных способов ускорить и обеспечить восстановление Монархии во Франции», приписывается Малуэ. Детальный и продуманный, этот проект, в то же время, один из самых осторожных и изощренных: его автор призывает короля не торопиться, не раскрывать своих истинных намерений и не восстанавливать сразу все институты Старого порядка, а укреплять свою власть постепенно, изначально проводя в жизнь

только те меры, без которых нельзя обойтись и которые народ готов принять.

Раздел, посвященный взаимоотношениям государства и религии, начинается довольно неожиданно: с источников финансирования клира. По всей видимости, сама идея восстановления католичества в качестве государственной религии не казалась автору предметом для дискуссии. Вместе с тем, хотя отправлению культа во Франции давно уже никто не мешал, а церкви еще при Термидоре была возвращена часть храмов, духовенство оставалось бедным и лишенным регулярных средств к существованию. Соответственно, первым делом в проекте оговаривается, что «на каждый диоцез, каждый приход временно должна быть возложена обязанность обеспечить достаточный доход своему епископу и своему кюре – до тех пор, пока не будут определены общие положения, касающиеся их восстановления в правах»⁵⁷.

Очевидно, однако, что это восстановление в правах должно было натолкнуться на сугубо практические препятствия: у церкви не осталось земельных владений, поскольку они превратились в национальные имущества. Ход мыслей автора проекта весьма нетривиален: он предлагает четко различать земли духовенства и земли церкви. Логика понятна: поскольку отчуждение земель духовенства было санкционировано Людовиком XVI, его брату и наследнику было бы не совсем прилично дезавуировать решение предшественника. Национализация же земель церкви и эмигрантов, считал автор проекта, произошла в нарушение всех законов, «хотя можно прекрасно представить себе монархическое и религиозное государство, в котором собственность церкви приносится в жертву общему благу»⁵⁸. Тем не менее, при желании ничто не мешает вернуть церкви конфискованное имущество, выплатив за него новым владельцам соответствующую компенсацию⁵⁹.

Помимо этого предлагается восстановить столь ненавистную для многих французов десятину⁶⁰: «Восстановление десятины кажется мне самым быстрым и самым верным способом покрыть расходы по содержанию священнослужителей, больниц и коллежей». Таким образом, выделение духовенству необходимых средств оправдывалось и с практической точки зрения: «церковь должна подчиниться той экономической системе, которую установит государство», духовенство обязано заниматься бедняками и образованием, ухаживать за больными. Однако ни в коем случае не стоит

⁵⁷ *Aperçu des Moyens les plus propres à accélérer & à consolider le rétablissement de la Monarchie en France. Juillet 1799. [Attribué à Malouet]. – MAE. 595. 1799. F. 363v.*

⁵⁸ Несмотря на то, что автор употребляет сочетание «salut public», данный перевод все же кажется мне более корректным, чем «общественное спасение».

⁵⁹ MAE. 595. 1799. F. 363v.-364.

⁶⁰ Причем автор четко осознавал: если объявить о восстановлении десятины на том этапе, когда королевская власть еще не будет установлена на всей территории страны, это оттолкнет народ от монархии. *Ibid.* F. 356.

«вновь делать из него самое богатое сословие Нации»⁶¹. Точно так же должно быть ограничено и влияние церкви на государство: «Все гражданские институты обязаны способствовать защите Религии, но не следует подчинять ни один из них духу и интересам Церкви». А вот если духовенство позаботится о возвращении добрых нравов, этому, напротив, разумно оказывать всяческую помощь⁶².

Известно, что данный проект был внимательно рассмотрен в окружении Людовика XVIII и поступил на отзыв к его бессменному юрисконсульту Ж.-Ж.-А. де Курвуазье, который отнесся к высказанным предложениям довольно скептически. Не имея ни времени, ни желания сочинять столь же подробный ответ, Курвуазье прошелся лишь по основным положениям приписываемого Малуэ проекта. Наибольшее возмущение юриста вызвало желание автора выплатить нынешним владельцам церковных имуществ должную компенсацию, поскольку их национализация получила санкцию Людовика XVI: Курвуазье справедливо отмечал, что санкцию этого монарха получило и многое другое, включая упразднение дворянства и сословий⁶³.

На мой взгляд, разговор о том, как именно королю следует вести себя после возвращения на родину, где изыскивать средства для финансирования культа и стоит ли выплачивать компенсацию владельцам национальных имуществ, возникает в это время отнюдь не случайно. По прочтении документов той эпохи складывается ощущение, что именно летом 1799 г. Людовик XVIII впервые поверил, что реставрация монархии не за горами, и это поставило перед ним ряд сугубо практических вопросов, о которых ранее его окружение в принципе не задумывалось. Среди них был и вопрос о том, как в новую (вернее, реставрированную старую) схему будет вписываться система гражданской регистрации браков и детей, практиковавшаяся во Франции уже не первый год.

В записке, приложенной к письму барона де Монтёна⁶⁴ из Лондона от 14 июня 1799 г., эта проблема трактовалась следующим образом: при монархии дети не считались законными, если не родились в браке, заключенном в соответствии с гражданскими и религиозными нормами. Во время Революции для многих браков эти нормы не соблюдались, и теперь лишь король может решить, легитимизировать таких детей или нет. При этом «необходимо отметить, что ежегодно во Франции рождается около миллиона детей. Если предположить, что на протяжении шести последних лет пятая их часть родилась в гражданском браке, получится примерно 1 200 000 человек». Кроме того, необходимо предусмотреть, что женщи-

---

⁶¹ Ibid. F. 364-364v.

⁶² Ibid. F. 364v.

⁶³ Ibid. F. 402-402v.

⁶⁴ Антуан-Жан-Батист-Робер Оже, барон де Монтён (1733-1820) – адвокат, при Старом порядке интендант Оверни и Прованса, известный филантроп. Эмигрант.

нам, живущим ныне в гражданском браке, придется заключать новый брак – на этот раз освященный церковью, – если, конечно, они захотят дальше жить со своими мужьями и узаконить своих детей⁶⁵. Впоследствии мы увидим, что точка зрения барона показала монарху весьма разумной.

Тем же летом, 24 июля, Людовик XVIII составляет для графа д'Артуа, который должен был первым оказаться на французской территории, соответствующую инструкцию. Предписывая в ней временно не производить никаких изменений в гражданской администрации страны (от чиновников требовалось лишь принести клятву верности), в отношении администрации церковной король дает следующее распоряжение: «Все, что касается духовной сферы должно быть безотлагательно возвращено к прежнему состоянию. Таким образом, все архиепископы, епископы, кюре – одним словом, все законные пастыри должны быть возвращены в свои диоцезы и приходы; богослужения восстановлены, новый календарь отменен⁶⁶, церковная дисциплина вновь поднята на должную высоту, вакантные диоцезы должны управляться теми, кому принадлежит это право и т.д.»⁶⁷

Помимо этого, осенью 1799 г. в окружении Людовика XVIII готовится целый пакет документов – ведь если бы королю и в самом деле довелось взять в руки управление страной, на разработку этого немалого количества текстов, включающего в себя как общие программные заявления, так и отдельные декларации и распоряжения по различным сферам жизни, просто не было бы времени. Курвуазье, проделавший этот титанический труд, был воистину бесценным сотрудником: основываясь на инструкциях Людовика своему брату и на собственном представлении о позиции короля, он сумел превратить общие рассуждения монарха в конкретные прокламации и указы. Историки же, благодаря ему, получили уникальную возможность увидеть (разумеется, с определенными поправками), что ожидало Францию, если бы Людовик XVIII стал королем *de facto*, а не только *de jure*.

Краеугольным камнем этого корпуса документов можно считать проект новой королевской Декларации, где, в частности, говорится:

«Нашей первой заботой станет прекращение преследования святой религии наших отцов. Но, возвращая ей преимущество, которое она обязана иметь в королевстве старшего сына церкви, мы будем соблюдать и старые договоры, и эдикт Людовика XVI, дарованный иным культам, и мы приложим особые усилия, чтобы совместить те привилегии, на которые имеет право государственная религия, с эффективной защитой, ка-

⁶⁵ МАЕ. 617. 1797-1805. F. 138v.-139.

⁶⁶ На мой взгляд, вопросы отмены революционной символики выходят за рамки данного сюжета. Замечу, однако, что в глазах короля они обладали исключительной важностью. Подробнее см., например: *Projet d'ordonnance portant rétablissement de la monarchie*. 1799. - МАЕ. 608. 1799. F. 124-127.

⁶⁷ *Extrait d'une lettre écrite par le Roi à Monsieur pour lui servir d'instruction*. Le 24 Juillet 1799. – 444 AP 1 (Papiers d'abbé André (Delamare)). Doc. 7. P. 1.

кую мы должны оказывать всем нашим подданным. При этом мы ограничимся восстановлением на своих престолах архиепископов, епископов и других священнослужителей, необходимых для духовного управления диоцезами и приходами, всех институтов, которые обязаны своим существованием набожностью [...]

Новый календарь будет отменен, а старый – восстановлен. Святые узы брака будут организованы в соответствии с церковными канонами и ордонасами наших предшественников. [...] Декреты против религии и королевской власти, против правоверных клириков и верных французов [...] несовместимы с монархической формой⁶⁸ правления и нашей законной властью»⁶⁹.

Далее объявлялось, что десятина пока собираться не будет, и давалось обещание позаботиться о средствах существования священников. Также провозглашалось, что дети от гражданских браков будут признаны, а «те браки, которые открыто не осуждаются существующими в обществе правилами приличия, оправдываются, как заключенные в силу продиктованной обстоятельствами необходимости; их мы узаконим»⁷⁰.

В развитие этих положений предусматривалась и специальная «Декларация о временном восстановлении религиозного культа», сулившая не только возвращение католицизма, но и отправление без помех протестантского богослужения, а также обещавшая, как только позволят обстоятельства, созыв специального «национального комитета», который и выработает окончательные регламенты⁷¹. Более подробно этот сюжет рассматривался в отдельном документе, озаглавленном «Ответ на вопросы по поводу церковной администрации»⁷². В его постановочной части провозглашалось: «Всеми признано, и Революция лишь прекрасно подтвердила эту истину всех времен, что Религия – самая прочная опора Империй, самый надежный гарант их стабильности. Таким образом, король не может переусердствовать, заботясь о ее восстановлении во всем своем блеске, о том, чтобы обеспечить ей служителей, чье рвение будет равно их просвещенности».

Вместе с тем предполагалось, что королю нет никакой необходимости настаивать на восстановлении десятины: «Десятина – это божественное право, записанное в Ветхом Завете, однако его нет в Новом; во Франции же она относится к области гражданского права, ее устанавливали капитулярии Карла Великого для того, чтобы компенсировать духовенству вла-

---

⁶⁸ Зачеркнуто : «с самим существованием монархии».

⁶⁹ *Projet d'adresse conformément aux instructions données à Monsieur par le Roi. De la main de Courvoisier.* – МАЕ. 608. 1799. F. 82, 82v.-83.

⁷⁰ *Ibid.* F. 83v., 84v.

⁷¹ *Projet de déclaration portant rétablissement provisoire du culte religieux.* – *Ibid.* F. 128-130.

⁷² *Réponse aux questions concernant l'administration ecclésiastique.* – *Ibid.* F. 152-158.

дения, захваченные сеньорами к концу первой династии⁷³, и которые в начале царствования второй династии ему было не так-то просто вернуть. Таким образом, я полагаю, что закон вправе ее отменить – точно так же, как он ее установил. Однако мне не кажется, что это стоит делать в момент реставрации, когда, напротив, крайне важно очевидным образом отдать должное всем видам собственности».

Помимо этого отмечалось, что необходимо упразднить еще сохранявшуюся плату верующих священнику за проведение ряда служб, поскольку она только настраивает паству против кюре: народ воспринимает это как плату за таинства, а не в качестве альтернативы продаже должностей.

Отдельно в документе рассматривался вопрос о том, что делать с епископами и кюре, не рукоположенными должным образом, присягнувшими Республике или же вступившими в брак. С точки зрения автора это не должно было заботить короля, поскольку акт об амнистии освобождал этих людей от гражданской ответственности, а духовный суд по-прежнему оказывался в ведении епископов, которые и должны будут высказаться по каждому из этих случаев. Монарху лишь стоит отдать распоряжение гражданским и военным властям, чтобы те обеспечили епископам необходимую поддержку при смещении этих клириков со своих должностей. И, в любом случае, было бы разумно собрать национальный церковный собор, который издал бы каноны по поводу укрепления дисциплины, дал инструкции епископам касательно самозванцев, присягнувших и женатых священников, упразднил монастыри, оставшиеся без монахов.

Однако все это ни в коей мере не должно было затронуть те привилегии, которые ранее принадлежали монарху: «По поводу регалии я хотел бы заметить, что поскольку это воистину королевское право, то оно должно распространиться на все провинции королевства». А вот судьбу протестантов государю, пожалуй, стоит решать совместно с церковью: «Необходимы каноны и эдикты, которые определяют степень терпимости по отношению к протестантам, равно как и их гражданское состояние, и оставят в силе предписания касательно их местопребывания, актуальные сейчас более чем когда бы то ни было».

Небезынтересно, что перу Курвуазье, фактически, принадлежат две декларации от имени короля: одну я цитировал выше, вторая носит то же самое название – «Проект обращения», но уже не в соответствии с данными брату короля инструкциями, а, видимо, в соответствии с тем, что казалось наиболее разумным самому автору. В некоторых чертах они схожи, но отнюдь не идентичны; во второй декларации о восстановлении католицизма говорится более подробно и больше места уделяется финансовой стороне дела:

⁷³ То есть, Меровингов. Упомянутая далее вторая династия – Каролинги.

«Религия – наипрочнейший фундамент империй⁷⁴, наинадежнейший гарант справедливости суверена и верности подданных, единственное, в чем нуждается человек, когда он преуспевает, и единственное, к чему он может прибегнуть в несчастье, и поэтому религия станет наидражайшим объектом нашей заботы. Уважая границы, поставленные ее божественным творцом, мы употребим свою власть и приложим все усилия, чтобы подобрать для нее слугителей, способных достойно выполнять эти высочайшие обязанности; чтобы восстановить церковную дисциплину⁷⁵ в ее изначальной чистоте, подвергнуть религиозные ордена мудрым реформам, которые сделают их полезными церкви, но не мешающими государству; упорядочить распределение бенефициев в соответствии с изначальной целью их учреждения и использованием переданных культу имуществ, в соответствии с волей их учредителей, канонами церкви, необходимостью для государства сохранить их ради общего согласия. Когда десятина будет пущена на все расходы культа, на перестройку и поддержание не только хоров, но и нефов церквей, и не только церквей, но и жилищ священников, на больных и бедных, на оплату труда учителей и учительниц в школах, а также всех лиц, которые трудятся в деревнях ко всеобщей пользе; одним словом, когда мы станем раз и навсегда связывать ее с теми целями, на которые она по самой своей природе и была предназначена, она более не будет бременем для тех, кто ее платит. Мы обеспечим религии Хлодвига, Карла Великого и Св. Людовика то преимущество, которым она должна пользоваться в государствах христианнейшего Короля. Но, верно соблюдая ее заповеди, мы предоставим сектантам, которых она повелевает просвещать и защищать от преследований, ту защиту, которую мы обязаны обеспечивать всем нашим подданным»⁷⁶.

Проблема десятины не случайно подвергается в текстах, вышедших из окружения короля, столь различным толкованиям: с одной стороны, она явно ассоциировалась у народа с сеньориальными правами и, соответственно, со Старым порядком (не говоря уже о том, что начинать правление с введения дополнительных налогов казалось не самым разумным), с другой, – десятина позволяла сбросить с плеч государства расходы по содержанию духовенства и связанных с ним учреждений. В этом плане не удивительна оговорка графа де Сен-Приста⁷⁷ о том, что «Е.В. не решил, стоит

---

⁷⁴ Этот документ во многом перекликается с другими, вышедшими из под пера Курвуазье, и в чем-то повторяет их. Однако мне показалось разумным привести здесь эти тексты, не убирая повторы.

⁷⁵ Вычеркнуто: «И установить в распределении бенефициев тот порядок, который в наибольшей мере соответствует духу церкви».

⁷⁶ *Projet d'adresse. De la main de Courvoisier.* – МАЕ. 608. 1799. F. 89v.

⁷⁷ Франсуа Эмманюэль Гинар, граф де Сен-Прист (1735-1821) – при Старом порядке посол в Лиссабоне, Константинополе и Голландии, министр в правительстве Неккера. Эмигрант, член Совета Людовика XVIII.

ли высказываться по поводу десятины и сеньориальных прав», и «этот вопрос следует внимательно изучить»⁷⁸. В то же время Курвуазье подчеркивал, что этот круг проблем в принципе не следует пока затрагивать, поскольку «для восстановления десятины и сеньориальных прав нет необходимости в законе; напротив, для того, чтобы отложить их восстановление требуется акт суверенной воли»⁷⁹. В полном соответствии с написанной им же от имени короля «Декларацией о временном восстановлении религиозного культа», Курвуазье отмечал: «Я отложил взимание десятины, это, без сомнения, желание самого Короля»⁸⁰, и это не является несправедливостью: десятину устанавливает закон Карла Великого, таким образом, закон Людовика XVIII может ее отменить. Единственное, что суверен обязан по отношению к церкви, – это обеспечивать содержание священнослужителей и нести расходы на культ, а об этом он может позаботиться и без десятины; в Ветхом Завете она – божественное право, в Новом – лишь позитивное и гражданское»⁸¹.

Не обходит вниманием подготовленный Курвуазье корпус документов также вопросы гражданских браков и налогового иммунитета.

По первому из них в проекте специальной декларации⁸² провозглашается, что король одобряет все браки, которые не противоречат церковным канонам и законодательству предшественников. Исключение составляют оговоренные в ст. V браки, заключенные без должным образом оформленного развода, а также браки священников, однако ст. VII объявляла, что дети от таких браков будут узаконены. В пояснительной записке к этому документу⁸³ внимание монарха привлекалось к еще одной ситуации, по которой Королю придется высказать свое мнение – брачные союзы между католиками и протестантами. Любопытно, что Курвуазье считал необходимым в принципе обосновать право короля устанавливать порядок заключения браков и честно предупредил, что ультрамонтаны не будут с ним согласны: «Брак, – писал он, – самый важный предмет гражданских законов, поскольку он увековечивает общество».

Что касается прежнего налогового иммунитета духовенства, то в записке о фискальной политике⁸⁴ среди основных пороков старой системы

⁷⁸ MAE. 608. 1799. F. 39.

⁷⁹ Observations sur les articles 14 et 15 du projet des let[tres] pat[entes]. De la main de Courvoisier. – Ibid. F. 43.

⁸⁰ Любопытно, что в другом документе – в процитированном выше «Ответе на вопросы по поводу церковной администрации» – из тех же постулатов делается несколько иной вывод.

⁸¹ Ibid. F. 43v.

⁸² Projet de déclaration concernant les mariages contractés depuis le 1er Janvier 1791, et l'état des enfants qui en soit issus. – MAE. 608. 1799. F. 134-135v.

⁸³ Motifs du projet de déclaration concernant les mariages faits pendant la révolution. – Ibid. F. 159-160.

⁸⁴ Mémoire concernant l'impôt. – Ibid. F. 247-255.

наипервейший, по мнению автора, «состоял в дарованных духовенству и дворянству привилегиях. Нет сомнения, что эти привилегии тягостны для народа». К тому же, поскольку клирики пользуются теми же преимуществами гражданского общества, что и светские лица, «они должны, как и другие граждане, платить поддерживающие его налоги».

Оставались, однако, и проблемы, решение которых откладывалось на будущее, хотя подробный «Ответ на вопросы касательно Генеральных штатов и составления конституционной хартии» предлагал задуматься над ними уже сейчас. Этот мемуар далеко выходил за рамки обсуждения правил созыва Генеральных штатов, отмечая «болевые точки» во всех сферах управления государством и намечая контуры грядущих реформ.

Несколько страниц касалось и реформы управления церковью. Автор подчеркивал, что, прежде всего, необходимо понять:

«Продолжат ли свое существование в администрации диоцезов предубеждения, нерешительность, осторожность, прямое подчинение Святому престолу? Не изменится ли право светского патронажа в том, что касается выдвижения кандидатур кюре? Не вернется ли к епископам свобода принимать или не принимать отказы от должности для перемещения на другую должность, равно как и обычные отставки? Будут ли сохранены бенефиции черного духовенства, и какие предосторожности будут приняты, чтобы только добрые пастыри становились из монахов кюре? Диоцезы исключены из права регалии, так не стоит ли их ему подчинить, и по-прежнему ли жалобы на эту тему должны будут направляться в Большую палату Парижского парламента? Какие будут предусмотрены налоги на десятину? Какие установления будут приняты по поводу пенсионеров кюре, платимых получателями доходов с приходов (особенно тех кюре, чьи приходы свободны от обложения десятиной), а также по поводу права на оплату ряда служб – особенно в городах, где кюре не имеют права на вносимые в монастыри вклады и на подобные пенсии? Будут ли утверждены какие-то правила по поводу того, что короли должны назначать епископов, а епископы – кюре, и чтобы обеспечить справедливое распределение консисторских бенефициев? Будут ли сохранены все религиозные ордена, или же какие-то из них будут признаны наименее полезными и распущены? Займутся ли воссозданием Общества Иисуса, чей роспуск был для Франции огромнейшим бедствием? И т.д.»⁸⁵

Все эти вопросы пока оставались без ответа...

Данное исследование не случайно завершается рассмотрением подготовленного Курвуазье корпуса документов. И не только потому, что с приходом к власти Наполеона Людовику XVIII пришлось надолго распрощаться с реальными надеждами вновь воцариться во Франции. Это собрание проектов и деклараций наглядно иллюстрирует как ту эволюцию,

---

⁸⁵ Réponse aux questions concernant le Etats généraux et la rédaction d'une chartre constitutionnelle. – Ibid. F. 307-307v.

которую претерпели взгляды короля с момента вступления на престол, так и ту степень компромисса, на которую он готов был пойти.

Несмотря на сложившуюся в историографии традицию, следует признать, что, по крайней мере в отношении католической религии, позиция нового короля Франции отнюдь не была столь жесткой и ретроградной, как обычно принято полагать. Фактически он выступал за сохранение лишь тех фрагментов Старого порядка, которые, собственно, и делали его королем, и, в их числе, за возвращение католицизму статуса государственной религии⁸⁶. В остальном же, хотя здесь поле для маневра и было значительно уже, нежели в других областях, Людовик XVIII постоянно демонстрировал явное стремление к компромиссу. Выступая за возвращение должностей тем кюре и епископам, которые занимали их в 1789 г., он полагал разумным созыв церковного собора для того, чтобы духовенство само могло решить накопившиеся за годы Революции проблемы. Осознавая, что содержание священнослужителей будет нелегким бременем для государственного бюджета, монарх, тем не менее, не настаивал однозначно на восстановлении десятины. Будучи осведомлен, что многие считают виновниками Революции и падения монархии протестантов и, в принципе, всех не католиков, он, тем не менее, провозглашал, что настроен в равной мере защищать всех своих подданных. Отдавая себе отчет в том, что Старый порядок безвозвратно ушел в прошлое, король не только не поддерживал идею о возвращении духовенству налогового иммунитета и контроля за идейной жизнью общества, но и выказывал стремление рассмотреть, не требуют ли реформы иные аспекты жизни галликанской церкви, которые к концу XVIII в. сохранялись лишь в силу традиции.

Но, как известно, все эти планы так и остались на бумаге: Людовик XVIII вернулся в свою страну лишь через пятнадцать лет, а взаимоотношения между государством и католической религией были урегулированы в сентябре 1801 г. отнюдь не королевскими декларациями, а конкордатом, заключенным между Папой Римским и первым консулом Наполеоном Бонапартом.

---

⁸⁶ И здесь Людовик XVIII был не одинок: аналогичного мнения придерживались авторы большинства проектов, а если и раздавались голоса в пользу свободы вероисповедания (см., например, относящуюся к середине 1797 г. анонимную записку, посвященную планировавшемуся возвращению короля во Францию. МАЕ. 617. 1797-1805. Ф. 67.), то их было не так много.